

ZOTOB[®]

**Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»**

представляет книги Зотова

цикл КАЛАШНИКОВ & МАЛИНИН

Элемент крови

Минус ангел

Демон плюс

Ад и Рай

цикл АГАРЕС & АВАДДОН

Апокалипсис Welcome

Апокалипсис Welcome. Страшный Суд 3D

Апокалипсис Welcome. Армагеддон Лайт

цикл ТАКОГО ВЫ НЕ ЧИТАЛИ!

Москау

Сказочник

цикл КИРИЛЛ & МИЛЕНА

Республика Ночь

цикл АЛИСА & КАЛЕДИН

Печать Луны

Череп Субботы

Скелет бога

Айфонгелие

Тиргартен

ZOTOB®

МИНУС
АНГЕЛ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-88

Оформление — Оксана Ветловская

Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Зотов, Г. А.

3-88 Минус ангел : [роман] / Зотов. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2019. — 384 с. — (Невероятный Зотов).

ISBN 978-5-17-113472-3

Ангелы, исчезающие на рассвете, не оставляя следов...

Девушка с татуировкой в виде дракона на обнаженной
спине...

Черный, жесткий юмор на каждой странице!

Мистический сюжет, основанный на реальном церковном
скандале!

Триллер, от которого невозможно оторваться.

Пародии, заставляющие смеяться круче, чем Comedy Club.

Жестокая и смешная история о мести в Раю.

Ад, где Борис Николаевич играет в домино с Пиночетом.

Чистилище, где Чапаев пьет водку с убитым банкиром.

Рай, где телевидение под тотальным контролем.

Интересно?

Просто раскройте книгу. И вы не оторветесь от нее до самой
последней страницы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113472-3

© Зотов Г.А., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2019

ПРОЛОГ

Петрович нетвердой рукой наклонил бутылку над опустевшим граненым стаканом, на дне которого еще с лета упокоилась зеленая муха. Присохшее к мутному стеклу насекомое настолько проспиртовалось, что его охотно принял бы любой музей. Тупо подождав пару секунд, Петрович сильно потряс емкость вверх-вниз на манер бармена за стойкой. К его великому неудовольствию, из пыльного горлышка не вылилось ни единой капли: он уже давно «выжал» бутылку досуха. Пошатнувшись, Петрович встал со стула, вяло бормоча ругательства: бесполезная бутылка, задетая его локтем, упала на пол с низенького стола. Обреченно звякнув, она покатилась в угол, где уже громоздилась внушительная «поленница» запыленной стеклянной посуды из-под «беленькой» — в основном чекушки и поллитровки. Нешадно скребя

подборода, обросший колючей седой щетиной, старик снова выматерился. Да уж, повезло так повезло. Как раз срок подошел — только-только уговорил племяша, чтобы, как обычно, отвез его в Москву с *товаром*, — и на тебе. С другой стороны, конечно, жестокая напасть приключилась сразу у всей деревни, однако... вот почему эта хрень произошла именно сейчас, когда у него душа горит синим пламенем, в кармане ни копыя, а до пенсии еще три недели? Надо как-то решать проблему, а решить ее может только одно...

Шаркающей походкой добредя до древнего, доставшегося еще от бабушки комода, Петрович мутным взглядом отыскал на одной из полок заветную палехскую шкатулку. Облупившаяся крышка отлетела прочь — в заскорузлых пальцах старика зашелестели несколько потертых, выдавших виды десятирублевок. Раз-два-три, ага... ну что ж, зря фигней страдал, не так уж все и плохо — тридцать рубликов как копеечка. На литр самогона у Фроськи точно хватит — а чтобы «освежиться», большего ему сейчас и не надо. Жаль, что бабка бутылки свои обратно не выкупает — а то бы точно с таким запасом пил недельки две подряд. С великим трудом натянув валенки на опухшие ноги, Петрович надел отведенный молью заячий тулуп, сунул деньги в левый карман и, подойдя к двери, загремел ржавой задвижкой.

Дверь распахнулась, и старик отшатнулся от неожиданности — на заиндевавшем пороге трухлявого, покосившегося дома стояли двое: судя по их растерянности, они как раз готовились постучать. Мельком скользнув по незванным гостям недобрым взглядом, Петрович едва удержался, чтобы от всей души не харкнуть им под ноги. Их вид не внушал

никаких сомнений: это были те самые «голубые», которых за последние двадцать лет так часто стали показывать по телику. Напомаженные ребята в узких джинсовых курточках со стекляшками и разного цвета обтягивающих штанах, напоминавших женские лосины — на одном фиолетовые, на другом — зеленые. Глазки тщательно подведены тушью, губки подкрашены, на лицах — следы пудры, создающей привлекательную бледность. Ежась от холода, *мальчик* в зеленых *портках* держал в замерзшей руке плоский чемодан. Длинные ногти на пальцах, сжимавших кожаную ручку, были покрыты розовым лаком — от такого зрелища старику стало вконец противно.

— Чего надо? — грубо сказал Петрович, делая шаг с крыльца: отменять поход к Фроське из-за внезапного появления пары гомосеков он вовсе не собирался.

Один из «голубых», склонившись к его уху, что-то прерывисто прошептал.

Старик энергично затряс головой — его затошнило от запаха духов.

— Нету. Сколько можно уже меня пытаться, мать вашу? Всю неделю ломитесь, и вчера опять приходили, суки поганые. А теперь что, пидорами переоделись? Я ж вам русским языком сказал, как на духу — все сдал, до *последней*. А теперь отвалите на хер, мне в магазин за *молочком* пора.

Гомосек с чемоданом и розовыми ногтями сделал шаг в сторону, но его коллега в фиолетовых штанах осторожно придержал товарища за локоть.

— Тысяча баксов, — грубоватым, неожиданно хриплым голосом обронил «фиолетовый» *мальчик*, отвлеченно разглядывая безоблачное небо.

Петровича повело в сторону, в глазах начало рябить. Схожее ощущение он испытал примерно лет сорок назад, когда на свадьбе у брата спьяну подрался с шурином и получил по голове штакетиной из забора.

— Чего?! — поперхнулся старик, не веря своим ушам.

— Штука, — повторил парень и в доказательство своих слов вынул из кармана пачку хрустнувших новеньких серо-зеленых банкнот. — Всю деревню уже обошли. Старуха вон там сказала, что у тебя наверняка есть — живешь бобылем, скрыть легче. Не хочешь — как хочешь, дед. Мы отваливаем.

Он с деланным безразличием отвернулся, но Петрович ухватил гостя за плечо. Хмель мигом вылетел из головы — он уже не видел ничего, кроме зеленых бумажек и той батареи бутылок, которую на них можно купить.

— А на фига вам ЭТО? — спросил он с некоторой опаской.

— Надо — значит надо, дедуль, — с бескомпромиссной прямоотой отрезал «фиолетовый» гомосек. — Тебе-то какая разница, за что бабло получать?

Старик воровато оглянулся вокруг — уже темно, на улице — шаром покати. Фонарь, конечно, горит неподалеку, но еле-еле: считай, вообще не светит.

— Ну-ну, ладно тебе... пойдём обратно в избу, сынки... потолкуем.

Он закрыл дверь, предварительно проверив, хорошо ли сидит в петлях задвижка: вдруг кто из деревенских вздумает без стука зайти, у них так принято. Затем, поманив гостей в правый темный угол комнатенки, шевельнул валенком — побитый молью коврик отлетел в сторону. В полу обнаружилась грубо выпиленная вруч-

ную крышка люка, обычно скрытого от посторонних глаз.

— Спустимся вниз, — кашлянул Петрович. — *Товар* там, в погребе. Только, ребятки, с одним условием — если потом из ментовки с претензиями подъедут: я вас видеть не видел, а вы меня знать не знаете. Денежки вперед.

Первый «голубой» на его предложение никак не отреагировал: по-птичьи склонив голову вбок, он рассматривал люк. Второй искривил подкрашенный рот в улыбке, протянув Петровичу вожаделенные доллары.

— Не беспокойся, старичелло. Это уж само собой.

Троица спустилась по шаткой лестнице в глубь холодного, полутемного погреба, где спертый воздух был насыщен запахом мышиного помета и прокисших солений. Подойдя к самому дальнему углу, Петрович, кряхтя, отодвинул массивную кадушку для капусты. Спина немедленно отозвалась резкой болью, и он ухватился за осклизлый край бочки, тяжело дыша.

— Последние две остались. Жечь хотели — я не отдал. С ними все нормально, а жить-то надо, — прохрипел дед. — И новый *товар* покупать — у меня денег нет.

«Голубые» быстро переглянулись. Один из них что-то спросил другого на странном, незнакомом старику гортанном языке. Тот кивнул, коротко ответив. «Ни хрена себе, — грустно подумал Петрович, ожидая, когда вспышка боли утихнет. — Мало того что гомосеки, так они еще и хачики».

Он медленно выпрямился, держась жилистой рукой за больную спину.

— ЭТО то, что вам нужно? Забирайте и уходите. Условия помните?

— Конечно, — ласково сказал «голубой» и быстро выбросил вперед холеную лапку — черный лак на его ногтях искрился блестящими звездочками.

И в ту же секунду до Петровича дошло, что перед ним никакие не гомосеки, а девки, самые настоящие девки — только с жесткими, даже злобными чертами лица, одетые в мужскую одежду. Голоса только у них не девичьи, а простуженные и хриплые, словно у лесорубов — оттого и спутал их с «голубыми». «Хеклер и Кох» с глушителем выплюнул облачко дыма, и старик почувствовал тупой удар в левую сторону груди — его отбросило к стене. Больно не было, но он вдруг осознал, что лежит на боку возле кадушки: небритая щека ударилась о замерзший земляной пол. Петрович даже успел удивиться — надо же, боли не чувствует, а холод — да. Он перевел глаза на расплывающуюся фигуру в фиолетовых штанах, мозг обожгла затухавшая мысль, что Фроська сегодня не получит *тридцатник*, а ему не потратить столь неожиданно свалившиеся в карман баксы. Кровь растекалась темной лужей — человек с пистолетом аккуратно отступил чуть подальше, чтобы не запачкать модные итальянские сапожки. Чуть помедлив, он прицельно выстрелил снова — на этот раз в голову.

— Разэль, это действительно так необходимо было сделать? — раздался голос сзади. Лицо *мальчика* в зеленых лосинах выражало подобие недовольства.

Существо с черными ноготками, которое на самом деле было весьма сложно назвать как мужчиной, так и женщиной, опустило дымящееся оружие.

— Да, Локки. Дед сразу бы ринулся пропивать бабки, и вся деревня увидела бы, что у него непонятно откуда появилась туева хуча баксов. А кто дал? Да вот ходили тут двое, просили *одну вещь* продать. — Убийца хрипло усмехнулся. — Старик часто уходил в запой, квасил по-черному — это мне в трех домах подряд успели рассказать. Его найдут не раньше чем через неделю, до этого не хватятся. А то и позже. За это время мы **всё** успеем. И что ты так нервничаешь, честное слово? Как будто тебе *такое* в первый раз.

— Не в первый, — согласился Локки. — Но если что-то в твоей жизни отсутствует долгое время, то ты успеваешь от этого отвыкнуть, верно?

— Давай не будем погружаться в философию, — улыбнулся Разль. — Калипсо **ОЧЕНЬ** ждет сегодня результатов, и мы не должны ее разочаровывать. Может быть, ты возьмешь себя в руки и начнешь *работать*? Время дорого.

...Воздержавшись от ответа, существо в зеленых лосинах по имени Локки, присев рядом с трупом, ловко открыло плоский чемоданчик. В удобных кожаных «карманах» покоились странные на первый взгляд предметы — небьющиеся пластиковые колбы, шприцы и скальпели. Достав марлевую повязку, Локки надел ее и протянул точно такую же убийце — тот быстро завязал тесемки на ушах. Вслед за этим Локки извлек из кармашка узкое лезвие скальпеля и посмотрел в угол погреба за кадушкой, где что-то шевелилось. Чуть-чуть помедлив, он натянул на руки плотные резиновые перчатки.

— Осторожнее, — предостерег первый «голубой». — Это очень опасно.

— А то я не знаю, — задиристо повел тонкими плечами второй.

Пружинисто поднявшись на ноги, он переступил через лужу черной, начинающей густеть крови, взвешивая в руке ледяную сталь скальпеля...

Часть первая

КЛЫКИ ДРАКОНА

Каждый из нас представляет себе Рай как прекрасное общество, полное чудесной вседозволенности, абсолютно лишенное каких-либо запретов. Но никто не догадывается, что и в Раю могут быть свои жесткие правила.

Донатьен Альфонс Франсуа, маркиз де Сад

Глава 1

Татуировка на спине

(воскресенье, 21 час 20 минут)

Прибой шумел негромко и ласково — волны прозрачного океана, шипя пеной, неспешно облизывали белый коралловый песок. Легкий теплый ветер покачивал верхушки кокосовых пальм, между стволами которых были натянуты шелковые гамаки. Небо пронизывал нестерпимо розовый свет, как будто кто-то размазал по нему лепестки цветов — в «прорехах» виднелись проблиски умирающего красного солнца. На песке отпечатались цепочки мелких следов — прибрежные крабы вылезли из своих нор, дабы встретить наступление долгожданной ночи.

Платиновая блондинка, наблюдающая за мельтешением черных спинок на песке, отхлебнула ананасовый сок из хрустального бокала и облизнула верхнюю губу. Интересно, а за какие заслуги попадают сюда *крабы*? Что такого они могли сделать за свою недолгую подводную жизнь? Вытащить тонущую девушку или заткнуть панцирем течь на корабле? Впрочем, какая разница...